

Затем он проводил Ши Ушэ во Двор Фэйлю, роскошный, словно дворец из мира смертных. Едва переступив порог, Ши Ушэ невольно замедлил шаг. В конце концов, совершенствующиеся гордятся тем, что отрешились от мирской суеты, и редко кто из них превращает свое обиталище в пространственном кармане в нечто подобное — с резными балками, расписными стропилами и вычурными павильонами.

Даже старейшина Хунбо, питающий слабость к земным привязанностям, и тот создал в своем кармане лишь живописный пейзаж с бирюзовыми горами и золотыми закатами, соблюдая некую эстетику.

Но Двор Фэйлю был другим. Он походил на дом богача — причем из тех, что купаются в роскоши.

Ши Ушэ впервые оказался здесь. Он оглянулся на двух учеников Зала Правосудия, «сопровождавших» его. Те, привыкшие трепетать перед его суровым нравом, не осмелились войти и остались ждать у входа.

Как только Хуа Чжао оказалась во дворе, она опустила Хэйцю на землю и велела служанке:

— Принеси ему жареную курицу из кухни. Только отдели мясо от крупных костей, порви его на кусочки, а гузку, голову, шею и лапы не давай...

— Слушаюсь, старшая госпожа.

Служанка поспешила на кухню, но Хэйцю не побежал следом, а принялся кружиться у ног Хуа Чжао.

Она с улыбкой подтолкнула его носком туфли:

— Иди же, разве ты не проголодался, бегая целый день?

Он все равно не уходил. Хуа Чжао оставила его в покое — Хэйцю был очень смышленным, волноваться о нем не стоило.

Она повернулась к Ши Ушэ:

— Второй старший брат, подожди меня в моей комнате. Я схожу к отцу, поищу лекарства, у него всегда припрятано что-то получше.

Хуа Чжао пошла вперед, указывая путь, и не заметила, как Ши Ушэ на ходу бросил короткий, холодный взгляд на Хэйцю. Их одинаковые стеклянные глаза на мгновение встретились в пустоте, а затем, безмолвно разойдясь, Хэйцю наконец направился к кухне.

Когда они вошли в покои Хуа Чжао, она предложила Ши Ушэ присесть на ее кровать с балдахин, которая была до нелепости огромной. Хуа Чжао налила ему чаю, поставила чашку на прикроватный столик и убежала в комнату Хуа Лянмина искать мази.

Комната Хуа Лянмина была еще роскошнее, чем у дочери. Особенно шкафы для одежды — они были в разы больше, а коллекция заколок и украшений поражала воображение, что лишь подчеркивало его любовь к щегольству. Впрочем, вместо банок со сладостями на его полках стояло множество флаконов с лекарствами.

В прошлой жизни Хуа Чжао повидала немало, поэтому ей не составило труда распознать нужные снадобья — достаточно было просто вдохнуть их аромат, чтобы определить качество и свойства.

Она быстро выбрала мазь для наружного применения, а также высокосортные заживляющие и восстанавливающие средства, подходящие для уровня культивации Ши Ушэ.

— Старший брат, у тебя раны на спине, — Хуа Чжао непринужденно выложила коробочки на столик и, омыв руки, добавила: — Снимай верхнюю одежду и ложись на живот.

Вернувшись, она увидела, что Ши Ушэ все еще сидит на краю кровати. Она замерла, собираясь в шутку спросить: Неужели ты стесняешься? — но тут Ши Ушэ отставил чашку и встал. Его фигура почти упиралась в верхнюю перекладину кровати. Не сводя с нее глаз, он медленно начал развязывать пояс.

У Хуа Чжао перехватило дыхание. Взгляд Ши Ушэ был слишком цепким, словно вьющаяся лиана, плотно опутывающая тело и заставляющая все внутри сжиматься от напряжения.

Ее глаза непроизвольно следили за его длинными пальцами, ловко порхающими у пояса, пока тот с глухим стуком не упал на пол.

Хуа Чжао вздрогнула и пришла в себя. Она невольно сглотнула.

Ши Ушэ не стал снимать остальную одежду. Пнув пояс в сторону, он снова сел на край кровати и произнес:

— Спина болит. Помоги мне раздеться.

Хуа Чжао глубоко вздохнула, ее лицо залилось густым румянцем. Странно, — пробормотала она про себя. Чего она только не видела в Ши Ушэ? С чего бы ей смущаться?! Может, дело в том, что сейчас день, и они в ее покоях? Но это не объяснение — здесь она должна чувствовать себя свободно. Тем более, что они и при дневном свете бывали вместе...

Она медленно выдохнула и подошла ближе. Ши Ушэ сидел, слегка расставив ноги. Несмотря на жалобы на боль, спина его оставалась прямой, а взгляд — сосредоточенным до остроты, словно он был готов содрать с человека кожу.

Хуа Чжао показалось, что он собирается не лечиться, а устроить ей допрос в Зале Правосудия.

Она потянулась к завязкам на его поясе, но Ши Ушэ внезапно схватил ее за руку и потянул на себя, усадив к себе на колени. Расстояние между ними исчезло, дыхание смешалось, а тепло тел сквозь одежду стало почти осязаемым.

Хуа Чжао не ожидала, что он обнимет ее. От неожиданности она дернула завязки, и те затянулись в мертвый узел. Она долго смотрела на этот узел, застыв в неловкой позе в его объятиях, словно окоченевшая рыба.

Ши Ушэ посмотрел на нее, его кадык медленно дернулся, и он спросил с ноткой недоумения:

— Ты боишься меня?

Хуа Чжао тут же замотала головой:

— Нет! — ее голос прозвучал так громко, что она сама услышала в нем фальшь.

Ши Ушэ крепко обнимал ее. Хуа Чжао подумала, что он хочет чего-то большего, но он не делал иных движений, словно и впрямь ждал, пока она поможет ему раздеться. Она подняла глаза и встретила с его взглядом, словно утопая в стеклянном болоте.

Ши Ушэ вел себя совсем не так, как внизу, у подножия горы! Он был полон решимости, обнажил свои клыки и когти. Он словно хотел съесть ее.

Он смотрел на нее с таким видом, будто не успокоится, пока не вырвет кусок плоти, и произнес тоном, каким обычно отдавал приказы ученикам Зала Правосудия:

— Раздевай.

Хуа Чжао, словно под гипнозом, принялась распутывать узел. Это же просто лечение, просто лечение! Она хотела отвесить себе пару пощечин, чтобы прийти в чувство. Ведь Ши Ушэ не делал ничего непристойного, он просто смотрел на нее.

Она твердила себе не позориться. Разве не она сама его приворожила? Они уже не раз делили ложе, что тут такого... — Ай!

Хуа Чжао ахнула: Ши Ушэ сильнее прижал ее к себе и зарылся лицом в изгиб ее шеи. Жаркое дыхание опалило чувствительную кожу, она инстинктивно втянула голову в плечи, но Ши Ушэ обхватил ее еще крепче, вжимая в себя с такой силой, что ей показалось, будто ее сейчас перережет пополам.

— Второй старший брат... твои раны! — из горла Хуа Чжао вырвались лишь эти слова, а потом дыхание окончательно сбилось.

Ши Ушэ почувствовал, как она пытается вырваться, и слегка подбросил ее на коленях,

прижимая еще плотнее. Его губы начали оставлять частые, влажные поцелуи вдоль ее шеи. Если бы Хуа Чжао была хоть немного трезва, она бы заметила, что он целует ее ровно в тех же местах, что и Се Фу.

Он прикусывал, посасывал, оставляя влажные следы. Стоило ему слегка сжать ее талию, как Хуа Чжао сдалась: она перестала съеживаться и позволила ему перекрыть своим запахом аромат другого мужчины.

Когда Ши Ушэ наконец насытился, Хуа Чжао чувствовала себя так, будто из нее выжали все силы. Она безвольно повисла на его руках, слушая, как он шепчет ей на ухо:

— Ты ведь боишься меня, так почему все равно дразнишь?

Хуа Чжао хотела сказать, что не боится, но стоило ему провести ладонью по ее спине, как ее пронзила неконтролируемая дрожь.

Ши Ушэ не отпустил ее. Он развернул ее лицом к себе, придерживая за затылок, и сказал:

— Теперь жалеть поздно.

Это он намеренно не позволил старейшинам Зала Правосудия огласить правду. Теперь вся секта знала, что Ши Ушэ силой забрал младшую сестру, и это стало свершившимся фактом. Именно этого он и добивался. Он все спланировал еще внизу, нарочно спровоцировал драку в Зале Правосудия, чтобы пути назад не было, и сознательно принял наказание кнутом и заточение на Пике Раскаяния.

Как только он выйдет из заточения, старейшина Хунбо проведет обряд их объединения. Ши Ушэ не боялся дурной славы — ведь теперь Хуа Чжао станет его, а не Се Фу.

— Когда закончится мое наказание, мы станем даосскими спутниками, — в его голосе проскользнула улыбка. Он наклонился и потерся своим высоким носом о ее нос.

Услышав о даосских спутниках, Хуа Чжао по привычке хотела сослаться на Хуа Лянмина, но Ши Ушэ опередил ее:

— Я уже доложил Учителю о нас. Думаю, он уже отправил весть, чтобы вернуть старейшину Миньюэ в горы.

Слова оправдания застряли у нее в горле.

Ши Ушэ положил голову ей на макушку. Его настроение было как у сытого зверя, который поймал добычу, но не спешит ее разрывать, а просто нежится на солнце, изредка играя с жертвой, чтобы разогнать скуку.

Хуа Чжао чувствовала себя этой самой добычей. Его прикосновения — касания носом, поглаживания спины, даже легкие щипки за пальцы — не были смертельными, но сводили ее с ума. Она слушала его быстрый, мощный стук сердца, который отдавался в ушах, словно удары Колокола Подавления Духа, готового выбить из нее душу.

— Почему не раздеваешь? Мы же собирались лечить раны? — спустя долгое время Ши Ушэ отстранился и посмотрел на нее.

Хуа Чжао пришлось призвать всю свою духовную силу, чтобы разогнать жар и вернуть контроль над телом. Она попыталась оттолкнуть его и встать, но Ши Ушэ не отпустил:

— Раздевай так, сидя.

— Но чтобы нанести мазь, тебе нужно лечь на живот, — Хуа Чжао боялась смотреть ему в глаза.

Ши Ушэ пристально посмотрел на нее, наконец смиростивился и отпустил. Когда она поднялась, он спросил:

— Почему ты не смотришь на меня?

Хуа Чжао стиснула зубы и подняла взгляд. Ши Ушэ прищурил свои лисьи глаза:

— Боишься, что я возьму тебя?

Вопрос выбил у нее почву из-под ног. Ши Ушэ произнес это так буднично, словно комментировал красоту луны:

— Спина болит, сегодня не трону. Давай лекарство.

У Хуа Чжао гудело в голове. Она не боялась, вовсе нет! Бери! Делай! — кричала она внутри, но на деле была совершенно обезоружена его сегодняшним напором.

Будь на его месте Се Фу, она бы не удивилась никаким его уловкам — она слишком хорошо его знала, могла по малейшему движению предугадать его цели. Но Ши Ушэ, человек, годами хранивший невозмутимость, вдруг явил такую мощную ауру захватчика, прямо говоря о своих желаниях. Он не скрывал намерений, не умел играть в кошки-мышки, не знал полутонув. И это было куда опаснее.

Это было как разница между ручьем и горным потоком: первый ласкает тело, второй — сносит с лица земли.

Слушая Ши Ушэ, Хуа Чжао чувствовала, как кровь закипает в жилах.

Сказав, что не тронет, он действительно сдержал слово. Снял верхнюю одежду, положил ее на край кровати и послушно лег на живот.

Все ее смущение и слабость в конечностях мгновенно испарились, стоило ей увидеть раны на его спине. Она нахмурилась и подошла ближе — и покраснела еще сильнее, но теперь уже от ужаса.

— Ты так сильно ранен, а еще смеешь нести всякую чепуху! Неужели не больно?! — возмутилась она.

Ши Ушэ был широкоплечим, и, лежа на кровати, казался огромным, словно затаившийся леопард, готовый в любой момент к прыжку — опасный и притягательный. Но его спину покрывали рваные, окровавленные следы от кнута, а на плечах кожа была содрана до самой кости!

Очевидно, это был не обычный кнут Зала Правосудия, а его собственный кнута-меч «Чернохвост» с острыми, как лезвия, шипами.

Хуа Чжао поражалась Ши Ушэ: как можно в таком состоянии сохранять невозмутимость и продолжать флиртовать? Это настоящий талант.

— Не бойся, — Ши Ушэ повернул голову, глядя на то, как лицо Хуа Чжао меняет цвет, и уголки его губ дрогнули. — Оно того стоило.

Эти сто ударов подтвердили их связь, теперь Хуа Чжао была обязана стать его даосской спутницей.

— Что? — Хуа Чжао не поняла смысла его слов, решив, что от боли у него помутился рассудок. Как можно быть таким довольным, когда тебя так изувечили?

Она подошла ближе, собираясь набрать мазь, но прежде применила Заклинание Очищения к ним обоим.

Ши Ушэ молчал, словно потерял чувствительность, наблюдая за тем, как мелькает фигура Хуа Чжао, и чувствуя прохладу ее пальцев на своей спине. Охлаждающая мазь принесла облегчение.

Они хранили молчание: один старательно наносил лекарство, другой послушно лежал. Атмосфера была почти гармоничной.

Хуа Чжао видела, что спину Ши Ушэ уже обрабатывали в Зале Правосудия, иначе после таких ран он бы уже истек кровью, пока добирался досюда.

Она закончила одну баночку и попросила:

— Подожди.

Сбегала за другой и тщательно промазала каждый след от кнута. В нижней части спины, у самого пояса, была рана — неглубокая, но, видимо, палач не рассчитал силу, и кнут прошелся слишком низко. Рана уходила под пояс, казалось, она продолжалась и там.

Хуа Чжао, не задумываясь, потянула пояс вниз, но обнаружила, что раны уходят еще дальше...

Ши Ушэ почувствовал, что она замерла. Он приподнялся на локтях и оглянулся, отчего раны на спине снова закровоточили.

— Не двигайся! — строго приказала она, нахмурившись.

Ши Ушэ приподнял бровь, лег обратно и глухо пробормотал:

— Брюки тугие, расстегни, чтобы намазать.

Хуа Чжао облизнула пересохшие губы. Она смотрела на его поясницу, переходящую в крепкие ягодицы, и не знала, то ли смутиться, то ли рассмеяться.

Не сдержавшись, она съязвила:

— В вашем Зале Правосудия что, и по заднице бьют?

Ши Ушэ на мгновение замер — вопрос явно застал его врасплох. Спустя время он повернул голову:

— Нет такого позорящего наказания. Просто кнут задел.

Хуа Чжао закусила губу, пытаясь сдержать смех, и принялась расстегивать пояс. Но сколько бы она ни возилась, узел не поддавался. Ши Ушэ, чувствуя ее суетливые движения, напрягся — он впервые понял, что его пояс — место весьма чувствительное.

Он перехватил ее запястье, отчего мышцы на его спине бугристо вздулись, и направил ее руку ниже, к пряжке, сказав:

— Я мужчина, пояс застегивается не сбоку, а здесь.

Хуа Чжао хотела сказать, что у женщин пояс тоже не сбоку, и она просто боялась потревожить раны, но...

— Делай сам! — в раздражении она попыталась отдернуть руку, но Ши Ушэ не отпускал. Уткнувшись лицом в подушку, он искоса смотрел на нее лисьим, пронзительным взглядом.

Он молчал, но руку не отпустил, лишь чуть приподнялся.

Рука Хуа Чжао словно обожглась, лицо вспыхнуло, как от пожара. Ши Ушэ не осознавал, насколько пошло это выглядело. Он просто считал, что Хуа Чжао — его женщина, они скоро станут спутниками, и скрывать что-то от нее нет нужды. Он хотел, чтобы она знала, что он чувствует.

Хуа Чжао лежала на краю кровати, уткнувшись лбом в бортик, лишившись дара речи. К счастью, Ши Ушэ вскоре поднялся, избавив ее от мучений.

Она обхватила себя руками, впервые пожалев, что у нее две руки — лишний груз.

Ши Ушэ, невозмутимо сев, посмотрел на нее сверху вниз:

— Чего ты стыдишься? Если боишься смотреть — не мажь.

Он потянул ее за руку, заставляя подняться. Она покраснела:

— Кто боится смотреть!

Ши Ушэ лишь беспомощно смотрел на нее — взгляд его ясно говорил: если не боишься, подходи и расстегивай.

Хуа Чжао не была неопытной, но в прошлых отношениях с Се Фу все было иначе. Се Фу был мастером тонкой игры, он умел соблазнять, давал время подготовиться, вел ее шаг за шагом. А Ши Ушэ... разве можно так: говорить, что не тронешь, и тут же заставлять к себе прикасаться?

Хуа Чжао чувствовала себя закипающим чайником. Она не выдержала этого напора и отскочила подальше.

Увидев ее сопротивление, Ши Ушэ потянулся за одеждой.

— Не надевай пока, мазь не впиталась! — поспешно воскликнула она.

Он замер и послушно сел, ожидая, больше не проронив ни слова.

Атмосфера в комнате была странной. Когда Хуа Чжао смотрела на него, он не отводил взгляда.

Она глубоко вздохнула:

— На Пике Раскаяния холодно, я дам тебе пару одеял.

Она принялась собирать вещи, а Ши Ушэ сидел, подставив спину воздуху, и наблюдал, как она даже положила ему сладости.

Ши Ушэ усмехнулся, встал, подошел к ней со спины и обнял. От него исходил жар — видимо, из-за ран у него поднялась температура, и Хуа Чжао показалось, будто ее бросили в печь.

— Твои раны... — пролепетала она. Она боялась очередного «сюрприза» — это было хуже, чем если бы он просто сделал то, что хотел.

— Пустяки, — ответил Ши Ушэ.

Он долго держал ее в объятиях, затем открыл сумку для хранения, выгреб оттуда сладости и, продолжая обнимать ее, по одной начал складывать их обратно в банку, прошепав ей на ухо:

— Я не люблю сладкое.

— Оу, — Хуа Чжао судила по себе — ей казалось, что в холодном заточении сладости — лучшее утешение. Но раз он не любит, так тому и быть.

Закончив, Ши Ушэ отпустил ее и оделся.

Хуа Чжао с сумкой в руках смотрела, как он быстро привел себя в порядок и снова стал тем самым устрашающим Мастером Зала Правосудия. Никто бы не догадался, что он только что вытворял.

Она все еще чувствовала тепло на ладони и невольно потерла ее о бедро.

Ши Ушэ подошел к ней, забрал сумку, повесил на пояс, а затем отвязал со своего пояса нефритовую подвеску и протянул ей.

— Нефрит связи, — сказал он. — Тебе.

<http://bllate.org/book/22424/2354339>